

Сто лет в океане жизни

...Вечная мысль о лишениях может свести человека с ума или уложить в гроб. Вечный трепет перед потерями унижает и готовит нас к рабству. И наоборот – кто умеет ценить и любить дарованное ему, тот будет находить в жизни новые глубины и краски. Лишения выковывают характер, дают нам волю к победе – и над собой, и над обстоятельствами.

Эти слова не мне принадлежат. Так или иначе они были высказаны в беседах с Ниной Владимировной Преловской, женщиной поистине героической. Без преувеличения, вся её долгая жизнь – а сегодня Нине Владимировне исполняется сто лет – сродни подвигу. Конечно же, в этот день, 25 ноября, как, впрочем, и в былые годы, я поеду в Черемховский переулочек, туда, где прошло моё далёкое послевоенное детство, где мы, трое пацанов – Валерка Преловский, Санька Лысенко и я, играли в городки, дрались и мирились, предпринимали отважные вылазки в окрестности Иркутска. Сегодня осталась лишь память: Санька живёт где-то под Красноярском, где долгие годы проработал врачом, я тяну свою лямку, а вот Валерки уже нет среди нас. Десять лет тому назад ранним июльским утром он вышел из дому с лёгким рюкзачком за спиной – собрался на пару-тройку дней в предгорья Хамар-Дабана черемши байкальской да трав целебных поискать. Ушёл и не вернулся. Пропал Валерий Васильевич, сгинул мой добрый друг детства, балагур и весельчак, незаурядный поэт и эрудит-литературовед. Многодневные поиски ни к чему не привели, исчез бесследно.

А здесь, в Черемховском переулке, осталась его без-утешная мать, человек величайшей нравственной силы и чистоты; женщина, воплотившая в себе красоту высокого духа и житейскую мудрость; личность, перед которой невозможно не склонить головы. Да, сегодня очень даже необычный день: Нине Владимировне Преловской исполняется – аж дух захватывает – сто лет. Сто! Убейте меня, но в жизни бы в это не поверил. А впервые я увидел эту властную, царственную женщину в далёком 1949 году, когда она вернулась в Иркутск из Якутии с двумя сыновьями – детьми «врага народа» – Анатолием, ставшим впоследствии известным российским поэтом, ныне москвичом, и 11-летним Валеркой. В том году я пошёл в 1-й класс, но небольшая разница в возрасте не помешала нам с Валерием сдружиться, и, как оказалось, надолго, навсегда...

Десять лет прошло с того горестного дня. Боль поутихла, рана зарубцевалась. Но до сих пор в комнате Валерия всё остаётся как при нём – письменный стол, стеллажи с книгами, даже его велосипед. Время от времени я забегаю на минутку-другую к Нине Владимировне. И эта минутка иной раз оборачивается часом, а то и другим. Хозяйка ставит чай, и мы не спеша беседуем. Я не перестаю удивляться мощи её интеллекта, эрудиции, памяти, удерживающей события и факты, великое множество имён. А её суждения о литературном и художественном творчестве! У неё в активе Пушкин и Блок, Валентин Распутин и Астафьев. Разумеется, что-то и забывается, но надо видеть её радость, когда удаётся отыскать в памяти нужную строчку из чьих-то стихов, цитату или любопытную деталь. Причём впечатляет и сама манера говорить – изящная и непринуждённая.

Беседовать с Ниной Владимировной до крайности интересно. Нет, это не салонный трёп, а именно беседа, требующая от нас, её собеседников, известного умственного внимания и усилия – идёт ли речь о литературе (чаще всего), о современных нравах или даже о политике. И на всё-то у гостеприимной хозяйки своё, не всегда бесспорное мнение.

Нет-нет да и возвращается Нина Владимировна к мыслям о пережитом. На моей памяти их немало, этих рассказов и эпизодов, в том числе и таких, от которых мурашки по коже – столько в них боли и драматизма. Были, конечно, и светлые мгновения. Её детство прошло в Якутске, вместе с двумя братьями – Николаем и Лёвой – выезжала в ночное, ходила с ними на охоту на равных, да куда там – по меткости стрельбы была первой. Уже в 13 лет у неё было собственное ружьё. Зайчатина, можно сказать, не переводилась на семейном столе. Как, впрочем, грибы и ягоды. Так и слышу её восклицание: «До чего брусника была роскошная – крупная, ароматная!». Там, в Якутске, закончила медицинский техникум и с благословения любящих родителей поехала в Иркутск – хотелось учиться дальше!

К таким счастливым мгновениям относит Нина Владимировна и 1933 год, когда судьба свела её с замечательным, прекрасным человеком Василием Ивановичем Преловским. Высококласный юрист, он

поражал, удивлял разносторонностью талантов и интересов, владел несколькими иностранными языками, писал неплохие стихи, слыл знатоком и ценителем живописи и музыки. Не просто слыл, а он и был художником и поэтом, участником и оформителем спектаклей в иркутском Молодом театре, входил в литературно-художественное объединение «Барка поэтов». Василий Преловский вёл исследования по истории музыки, в частности, скрипичного искусства, литературы, живописи. К слову, несколько картин кисти Василия Ивановича до сих пор хранятся в квартире в Черемховском переулке. Известно и то, что он был очень дружен с молодым актёром и режиссёром Николаем Охлопковым, который хотел, чтобы его талантливый друг поехал с ним в Москву.

Встреча с этой «глыбищей», по выражению Нины Владимировны, буквально ошеломила и окрылила её, провинциальную девчонку. Невероятно, но факт – стихи мужа, посвящённые ей, Нина Владимировна помнит до сих пор, а ведь с той поры прошло 75 лет!

*...Вы, загадочно лучистая,
Словно облачко с зарёй,
Вы, зазывная и чистая,
Как степная даль весной...*

Январь 1938 года стал последним для Василия и Нины Преловских. В одну из ночей их разбудил резкий стук в дверь. Мужа увели. «Пять лет мы были вместе, – вспоминает Нина Владимировна. – Это были самые прекрасные мгновения в моей жизни. За это время я успела чуть ли не два института окончить – вот что значит роскошь общения с личностью, с человеком, который вдохнул в меня силы и веру». «Я всё время спрашивала – и тогда, и теперь: почему арестовали мужа? Да потому, наверное, что он, как и Гумилёв, был невольником чести – одной закалки эти люди, они не умеют ни донести, ни предать».

Нет, не забыть тот беспощадный ночной стук в январе 1938 года. Он поставил точку на прежней, счастливой, семейной жизни. Осталось двое детей – младший, Валерий, родился уже после ареста Василия Ивановича. С младенцем на руках она ходила по различным инстанциям: где муж, что с ним? Кому только не писала – и Сталину, и Ворошилову, и Крупской. Бесконечные двадцать лет ушли на поиски, нет, не могла она поверить, что мужа нет в живых. Уже спустя много лет удалось узнать правду: арестованный в январе, по приговору «тройки» он был расстрелян 15 февраля 1938 года. Несколько днями раньше та же трагическая участь постигла младшего родного брата Василия Ивановича Петра, бухгалтера по профессии.

В 1957 году к справке о реабилитации было приложено «свидетельство» о смерти: дескать, скончался в тюремной больнице. К слову, точно такое же свидетельство выдали и мне по поводу моего репрессированного деда. Как оказалось, он, рядовой колхозник Ксенофонт Соболев, был расстрелян как «враг народа» сразу же после ареста в 1938 году. Скорее всего, в репрессивном аппарате гэбистов это была своеобразная «палочка-выручалочка» на все случаи творимого беззакония – «умер в тюремной больнице». И всё.

Одному Богу да ей, Нине Владимировне, известно, сколько тягот пришлось пережить, каких усилий стоило поднять сыновей, дать им образование. Как могла уберегала их от страшной правды. Да разве такое утаишь? Любой мог бросить им в лицо, как ком грязи: да ты вспомни, парень, кто твой отец... Что ни говори, а она, мать, своих сыновей научила, как говорят, держать удар. Позднее они же упрекали её в излишней, на их взгляд, строгости, даже суровости. Что она могла ответить? Лишь одно: великая любовь к ним, желание оградить от опасностей направляли её силы и волю, но этого мать не сказала, так как считала: не будет строгости в семье – любая мышь проникнет, пролезет. Чего стоили одни только судебные тяжбы из-за домашнего имущества. Недобрые люди пытались отобрать последнее у сирот – пришлось бороться, отстаивать, доказывать. Да разве расскажешь обо всём, разве узнает кто о ночных молениях: Господи, помоги сыновьям, огради их от наветов и злобы. Отстояла.

Не знала Нина Владимировна, что она тоже в списках неблагонадёжных состоит. Порядком надоела она энкавэдэшникам – пишет и пишет свои письма, запросы. Валерию ещё года не исполнилось, грудной был, вызывают её в «органы». До сих пор помнит те страшные минуты, когда в глаза направили сноп безжалостного, просто сумасшедшего света. Приказали положить завернутого в одеяло ребёнка на диванчик, подойти к столу.

– Вам не надоело запросы строчить, бумагу изводить?

– Так ведь я мужа потеряла – не копейку.

– Поймите, что надо прекратить эту писанину, тем более что вы сами под следствием.

– Как под следствием? За мной нет ничего.

– Как это нет ничего? А кто взрывчатку под Ангарский мост пытался подложить? Не вы?!

Криком кричал следователь. Наконец, сказал: «Бери ручку и пиши, признавайся». На диванчике ребёнок надрыдается плачем, к сердцу ужас подкатывает. Взяла бедная женщина ручку (будь что будет) и написала: «Да, я носила взрывчатку под Ангарский мост, но взрывчатку эту дал мне вот этот человек», – и написала фамилию следователя. Подписалась.

– Представляешь, что с ним случилось, – говорит Нина Владимировна. – Рассвирепел. У меня косы были огромные, так он их на руку намотал, боль страшная. На мои крики зашёл в кабинет человек, квадратный какой-то, с багрово-красным лицом. Чего, говорит, так шумно у тебя? А мой мучитель ему бумажку суёт: дескать, почитай её бред. А «квадратный» понял, видно, что я их перехитрила, и посоветовал: чего ты держишь её здесь, на черта она тебе, пусть валит домой. Короче говоря, отпустили меня, схватила я Валерку и ходу! Ночь была, а я с улицы Литвинова стремглав бежала – боялась, пуля догонит. До сих пор не понимаю, почему не убили, ведь я, считай, их за руку поймала.

А разве забудешь те страшные очереди к тюремному окошку – с передачами мужу. От себя, ребятишек отнимала, чтобы помочь дорогому мужу, страдальцу невинному. Откуда ей было знать, что его давным-давно нет в живых. Передачи, посылки принимали исправно, под расписку. Сказали как-то, что отправили мужа на север по этапу, без права переписки. Собрала тёплые вещи, полушубок новёхонький, и это взяли, глазом не моргнули. И допекла своих мучителей Нина Владимировна – посадили-таки в тюрьму, бросили в камеру к сброду какому-то – воровкам, проституткам. Полтора года мучений, и когда выбралась – это было в начале войны, – забрала ребятишек и уехала в далёкий Якутск, к родне. Знала, что сатрапы не угомонятся, надо было бежать...

– Иногда я спрашиваю себя, – сказала как-то Нина Владимировна, – что такое жизнь? И знаешь, как звучит ответ: жизнь – это Робинзон и тесная тюрьма. Да-да, по характеру и складу ума я Робинзон – всё своими руками делаю, до всего дохожу сама. Надеяться-то не на кого. Может быть, эта опора на собственные силы и помогла не сломаться, выстоять. При разделе имущества, а заседаний суда было 14, я в одном лице представляла и обвинителя, и защитника. И представь – выиграла суд!

Да, я представляю теперь, что значит быть Робинзоном по жизни, – пример Нины Владимировны более чем красноречив.

Десять лет прошло с того трагического дня, когда потерялся её младшенький – Валерий. За неделю до этого отметил своё 60-летие – красивый, энергичный, весь в творческих планах. Все мы боялись за Нину Владимировну: выдержит ли этот чудовищный удар? Не берусь вспоминать о тех днях, неделях, месяцах отчаянья и надежды, когда всё казалось: вот он войдёт, прижмёт её к себе и улыбнётся по-своему – светло и радостно. Она и сегодня ждёт, никак не может поверить, что пропал, сгинул её любимый сынок. Удар она держит. Благодаря старшему, Анатолию, который ещё недавно при первой же возможности старался вырваться из Москвы, сюда, в квартиру в Черемховском переулке. В последнее время, правда, занемог, перенёс инсульт, не до поездок. Удар она держит благодаря внукам, друзьям Валерия, которые хоть и нечасто, но навещают Нину Владимировну. Что и говорить, она преодолела себя, великая и земная, мужественная и добрая. Сто лет – это вам не шутка! С днём рождения, дорогая Нина Владимировна! Низкий вам поклон.

* * *

Когда материал был подписан к печати, из Москвы пришла скорбная, страшная весть: не стало Анатолия. Несколько месяцев он не дожил до своего 75-летия. Не выдержало сердце. Что может быть больнее и ужаснее для матери? Крепитесь, дорогая Нина Владимировна. Мы скорбим вместе с вами. Крепитесь.

Автор: Олег Быков © Восточно-Сибирская правда ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 2451 25.11.2008, 13:28 👤 172
URL: <https://babr24.com/?ADE=48887> Bytes: 12491 / 12465 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)